



ГЛАВА 1

Ханна

Вряд ли можно выразить любовь к своему парню сильнее, чем когда ты похлопываешь его по спине, пока его голова находится в унитазе и его рвет теплым Bud Light.

Он жалобно стонет.

Я тру его спину круговыми движениями и приговариваю: «Давай, давай».

Это не свидание моей мечты, но место довольно милое, учитывая все обстоятельства. До старшей школы у меня не было близких отношений, а теперь свой последний год в школе я начинаю с идеальным парнем и компанией друзей припядчу. Забавно, что жизнь может измениться так внезапно, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Мы с Нейтом прошли долгий путь. Мы знаем друг друга с детского сада, когда он был большим и неуклюжим, а я маленькой и болтливой. В детстве мы ненавидели друг друга. Но судьба имеет свойство вступать в игру неожиданно и застает тебя врасплох.

Я столкнулась с Нейтом на пляже прошлым летом, на следующий день после того, как моя сестра переехала в Бостон. Я была невероятно раздраженной, а Нейт, на удивление, обаятельным.

— Зачем уезжать из Сан-Диего? — спросил он. — Хуже решения не придумаешь. По-моему, лучший способ отомстить тому, кто уезжает, — отжигать и развлекаться на всю катушку.

А потом мы поехали в Карлсбад и погуляли по цветочным полям, чего я никогда раньше не делала. Там было не так занудно, как я думала. Там было классно.

И тогда я поняла, что он на моей стороне. Потому что, правда, зачем кому-то уезжать из Сан-Диего? Нейт это понимает. Он понимает меня.

Стук в дверь вызывает у Нейта новый приступ, и я ощущаю запах чего-то острого. Я с трудом подавляю рвотный рефлекс, чтобы самой не потерпеть фиаско.

— Мы тут заняты! — кричу я.

Из-за двери раздается фыркание и хихикание.

— Да, заняты, но не тем, — поспешно объясняю я.

Меньше всего мне хотелось бы, чтобы местные сплетники сочинили какую-нибудь скандальную историю обо мне и Нейте, якобы случившуюся в туалете на вечеринке Джейсона Коллинза в честь окончания года. Поверьте, запах в воздухе совсем не располагает меня к сексу.

Очередной стук в дверь. Блин, это единственный гребаный туалет в доме или как?

— Ханна, у тебя там все в порядке?

О, слава богу, знакомый голос. Надеюсь, Шелли вызовет Уег и поможет мне вытащить Нейта на улицу. Хотя, с другой

стороны, она тоже типа величайшая сплетница в нашей компании друзей. Я стараюсь не рассказывать ей ничего такого, о чем на следующий день могла бы судачить вся школа. И я уверена, Нейту вряд ли понравится, если на следующий день все примутся обсуждать, что он не умеет пить. Сомневаюсь, чтобы он обрадовался, начни Шелли рассылать сообщения об этом налево и направо, а народ отвечал бы что-то вроде: «Нейт — слабак». В своих комментариях люди бывают такими безжалостными.

Ну да ладно, я как-нибудь сама с этим справлюсь. Я сумею позаботиться о Нейте. Даже в такой дурацкой ситуации не могу сдержать улыбку. Мне нравится быть надежной девушкой. Мне нравится быть нужной.

— У нас все хорошо, Шелли. Все в порядке. Ничего интересного здесь не происходит. Спасибо, — отзывается я. Наверняка ей подвернется еще какая-нибудь история, о которой можно будет всласть посплетничать.

— Ясенько! Я буду внизу, если понадобится, — говорит она.

Из унитаза доносится стон. Я смотрю на затылок Нейта.

— О, детка, тебе еще не полегчало? Что мне тебе принести? — спрашиваю я.

— Ханна... — Он слегка поворачивает голову, прижимаясь щекой к стульчаку унитаза. Я стараюсь не беспокоиться о толпе микробов, которые ринулись сейчас с фарфорового трона на его красивое лицо. Голос у Нейта слабый, дыхание зловонное. Я втягиваю воздух и стараюсь задержать дыхание. Беру мокрую тряпку со столешницы и вытираю ему шею, зачарованная растущими на ней маленькими светлыми волосками. От пота волосы на его голове потемнели до цвета

песочный блонд, а эти крошечные волоски на шее почти белые.

Почему-то при виде них мое сердце смягчается. Надо же — у такого большого, сильного парня волоски, как у маленького ребенка. Это так трогательно.

— Ханна! — снова зовет меня Нейт, привлекая к себе.

— Да, Нейт? — Я неохотно наклоняюсь ближе.

— Я... — Он тяжело вздыхает. Похоже, опасается нового приступа рвоты.

— Тс-с-с. Все в порядке, Нейт. Я знаю, детка, я знаю.

— Ханна, мы...

Мы. Ооооо.

— Ага, это ты и я, — говорю я.

— Я... я думаю, нам нужно расстаться, — бормочет он, снова опуская лицо в унитаз.

— Нет, спасибо, — отвечаю я.

Время останавливается. Все мое тело онемело, остается только чувство тяжести в животе. Ворсистый туалетный коврик под моими коленями вдруг становится колючим и шершавым, а помещение слишком тесным. Сегодня в Сан-Диего теплый вечер, и дом, полный по большей части пьяных подростков, не способствует лучшей циркуляции воздуха. Мне нечем дышать, пот льет с меня ручьями, в нос ударяет мерзкий запах.

«Не паникуй!» — приказываю я себе и закрываю глаза, чтобы не упасть: все вокруг меня внезапно закружилось.

Я прокручиваю в голове его слова. Мы встречались не так долго, почему же он решил, что нам нужно расстаться? Видимо, я ослышалась.

Нам нужно собраться. Да, время идет, и мы должны относиться к жизни серьезно.

Нам нужно оторваться. Ха-ха! Поняла! Отлично, Нейт.

Нам нужно нажраться? В смысле, я бы не отказалась от хорошего куска говядины. Я в деле.

Большая рука обхватывает мое запястье, вытягивая меня из паники. Но когда я смотрю в покрасневшие глаза Нейта, вижу, как у него течет из носа, и изо всех сил стараюсь не тарашиться на подозрительный кусочек, прилипший к его щеке, я ощущаю ком в горле.

Это вовсе не любовь. Это даже не гнев. Это... жалость.

— Нейт, детка, ты не соображаешь. Ты пьян и тебе плохо, — дрожащим голосом пробую его урезонить.

— Прости, Ханна. Я пытался сказать тебе это весь вечер. Но мне не хотелось тебя расстраивать, — говорит Нейт. Поток банальщины прерывается очередным стоном, эхом отдающимся в унитазе.

— Но... но ты мой человек, — говорю я, последнее слово произношу почти шепотом. Мой голос звучит жалко и тихо.

— Мы можем остаться друзьями. Просто у нас ничего не выходит, — продолжает он. Кажется, Нейт и сам расстроен. Я хочу, чтобы ему было плохо, потому что он разбил мне сердце, а не потому, что его голова сейчас торчит из унитаза.

— Что не выходит? Я думала, нам хорошо друг с другом. Мы на вечеринке, мы веселимся, ведь так?

Я смотрю на Нейта. Не похоже, что ему очень весело. Это факт.

— Ханна, у нас... у нас нет ничего общего, — бормочет он.

— Что значит «ничего общего»? У нас так много общего. Да мы с тобой практически единое целое. — Я изо всех сил пытаюсь припомнить все то, что нравится нам обоим. Но сейчас в моем мозгу черная дыра, мне плохо думается в таком состоянии.

— На самом деле, нет. Тебе не нравится даже, что я...

— Нам обоим нравится «Ривердэйл», — прерываю я его, наконец, придумав ответ. — Видишь? Разве этого мало?

— Ты его ненавидишь. Ты высмеиваешь Арчи в каждой серии. — От его слов все внутри у меня обрывается. Он прав. Попалась. — Ты ненавидишь помидоры... — Неужели это серьезная помеха для любви? — ...и кошек... — Это верно. Но разве у человека не может быть каких-то особенностей? — ... и ты ничего не знаешь о К-рор и корейских дорамах. Я просто не могу говорить с тобой обо всем, чем увлекаюсь.

К-рор? Корейские драмы?

Теперь настал мой черед застонать. Нет, только не Нейт! Неужто и его захватило это повальное увлечение всем корейским? Судя по всему, я единственная в целом мире, кто к такому не относится, хоть я и... корейка.

— Нейт, мы можем исправить все, что, по твоему мнению, у нас не получается.

— Ханна... — он поворачивает голову и снова смотрит на меня с сожалением.

Да, все понятно, он уже сам не рад, что ляпнул такое. Я киваю и улыбаюсь себе под нос. У нас все будет в порядке.

— Нейт, — уверенно отвечаю я.

Его зрачки расширяются от ужаса, рот открывается, и его рвет на мои сандалии.

Я зажимаю телефон между ухом и плечом, чтобы слизать шоколад с указательного и большого пальцев. Я съела целый Тоблерон, откусывая по треугольничку и держа его за нижнюю часть, чтобы шоколад, растаяв, остался на кончиках пальцев и я могла слизать его, когда пирамидка закончится. Стратегическое потребление для исцеления разбитого сердца.

— Меня не могли просто бросить перед шкафчиками в школе или на стоянке у In-N-Out, как всех остальных. Нет, мне нужно было, чтобы куски куриных наггетсов срыгнули мне на ноги вместе с лужей кислого пива. Отлично. — Шелли молчит на другом конце линии. Она, наверное, тоже подавляет рвотный рефлекс при мысли об этом. — С каких это пор то, что людям нравится разная музыка, стало поводом для расставания? — спрашиваю я.

— Нейт сказал Мартину Шепарду, который сказал Мэнди Хокинс, а она сказала Джейсону Чену, а Чен сказал мне, что на его вопрос, кому ты отдаешь предпочтение, ты ответила, что ты отдаешь свой голос в пользу «справедливости, равенства и Саши», а не Малии Обамы.

— Я не знала, что Нейту так сильно нравится Малия.

— Это тема из К-рор. — Я прямо слышу по телефону, как она закатывает глаза. — Биас — твой любимый участник группы.

— Ладно. Но откуда это знают все, кроме меня?

Я тянусь к пакету M&M's с арахисом на тумбочке. Я съела все остальные цвета, остались только зеленые. Зеленые M&M's — мой рецепт исцеления.

— А если серьезно, — продолжает Шелли, игнорируя мой вопрос, — я не могу поверить, что Нейт бросил тебя

прямо накануне лета. И что теперь будет со всеми планами, которые вы строили? Не можешь же ты делать все в одиночку.

Бросил.

В одиночку.

Эти слова словно бьют меня по лицу, да так сильно, что я чувствую, как у меня вспыхивают щеки. Она права. Я мечтала, что кроме стажировки все остальное время буду проводить с ним.

— Ну этот... лагерь спасателей... Ты же знаешь, что деньги не вернут. — Слова Шелли доносятся до меня, как сквозь вату. Я вздрагиваю.

Фу, лагерь спасателей. Ненавижу запах хлорки, и одна мысль о сырости, кишасей микробами и инфекциями, приводит меня в ужас. Но Нейт воодушевил меня своими планами на «крутое лето перед нашим выпускным годом, наше первое лето в качестве пары». Что ж, может, стоит просто благодарить судьбу за то, что мне больше не придется ходить в бассейн. Теперь, когда я...

Брошена.

Одинока.

Без парня. Без планов на лето. Без жизни. Рекламный щит на Таймс-сквер с надписью «Жалкая» загорается яркими мигающими огнями под песню Селин Дион «All by Myself».¹

— Может, мне стоит поговорить с Нейтом... — вслух размышляю я.

— Ну, типа, подожди день или два. Пусть он начнет по тебе скучать. Если хочешь попытаться его вернуть, тебе нужно действовать стратегически, — советует Шелли.

¹ Совсем одна (англ.)

— Вернуть? Это возможно? По-твоему, он может передумать? — спрашиваю я.

— Ну, конечно. Я могу тебе помочь. Слушай, я точно знаю, что Нейт является Blink, CARAT и ARMY. И тащится от Сон Ёе Джин. Он уговаривал театральный кружок поставить в следующем году «Аварийную посадку любви» для школьного мюзикла. Вот с чего можно было бы начать. Узнай, что ему нравится, Ханна. Если он не хочет встречаться с тобой, потому что у вас нет ничего общего, переубеди его. Короче, скажи, что у вас есть общие интересы.

Ее слова для меня — пустая тарабарщина. И почему я чувствую себя виноватой из-за того, что меня поучает именно Шелли Сандерс? Хотя, кто знает, может, она и права. Может, мне удастся его вернуть.

— Э-э, спасибо, — лепечу я, немного приходя в себя. — Мне нужно о многом подумать. И многое загуглить.

— Как бы там ни было, мы с народом собираемся исследовать новое кафе-мороженое, так что мне пора бежать. — И она отключилась, прежде чем я успела закрыть рот или спросить, могу ли я пойти с ней. Стоп, выходит, потеряв Нейта, я лишилась еще и друзей?

— Пока, — говорю я в пустоту. Манжетой толстовки вытираю шоколадное пятно с экрана телефона. Разглядываю след на ткани и собираюсь его облизать. Может быть, позже.

Я снова в изнеможении падаю на кровать.

В мою комнату врывается мама и раздвигает шторы, ослепляя меня солнечным светом. Мои глаза, мои глаза!

— Ладно, Ханна, пора вставать. Почему шторы задернуты? Здесь плохо пахнет. Ты уже принимала душ?

— Мама, пожалуйста, разве ты не видишь, что я хочу побыть одна? Мне нужно время, чтобы оклематься, — ною я.

— Ага, валяться в темноте, есть шоколад и обрастать грязью. Ханна, так смириться с неизбежным вряд ли получится.

— Мама, у меня такая стадия.

— Какая стадия? Тратить жизнь впустую? Ханна, вы с Нейтом встречались недолго. Порция кимчи, которую я приготовила, еще даже не успела закваситься. — Моей маме только дай возможность сравнить длительность отношений со временем брожения кимчи. — А теперь встань и уберись в своей комнате. Нам нужно успеть в церковь, начинается регистрация преподавателей каникулярной библейской школы.

Мама не может взять в толк, что только из-за того, что мы с Нейтом расстались, у меня не освободилось внезапно все лето и я вовсе не горю желанием преподавать в библейской школе кучке голосащих младшекласников. Я ненавидела начальную школу.

— Ну, мне это неинтересно. У меня другие планы, — вру я. А что, в конце концов, мне никто не запретит поехать в лагерь спасателей. Хотя я могу и умереть, видя, как загорелый Нейт в шортах демонстрирует свои мускулы, и зная, что он меня не хочет.

Но, пожалуй, преподавание в каникулярной библейской школе грозит мне более мучительной смертью.

— Ханна, либо библейская школа, либо ты записываешься в хагвон¹, чтобы подготовиться к колледжу.

¹ Коммерческий частный институт, академия или школа.

— Но у меня стажировка, — напоминаю я. Я не раз использовала эту стажировку как предлог, когда хотела от чего-то отказаться. И хотя она всего раз в неделю по два часа (я помогаю иммунологу), мама считает, что это верный путь в медицинский институт. Возможно, она не ошибается.

— Ты можешь совмещать одно с другим. Занятия в библейской школе по утрам. И разве твоя стажировка не только по понедельникам после обеда?

Спалили.

Я зарываюсь лицом в подушку.

— Уйди, пожалуйста, — прошу я.

Я чувствую, как прогибается кровать, когда мама подходит и садится рядом. Она легонько похлопывает меня по спине.

— Ханна, ты лучше, чем этот американский мальчик-нехристианин. — Голос у нее подозрительно добрый.

— Ты не понимаешь, мама. — Я хочу сказать, что нравилась ему. Но, может быть, теперь уже не нравлюсь. Я знала, что должна была поймать волну BTS, когда все от них тащилось. Просто я думала, что К-поп и корейские драмы «им» нравились, потому что они корейские корейцы, а не американцы корейского происхождения, и уж точно не настоящие американцы. Где я была, когда тренды так быстро изменились? Теперь я как будто смотрю на мир снаружи. А Нейт определенно внутри.

— Что тут понимать? Ханна, тебе нужен мальчик, которому понравится, что ты умна и талантлива, и который оценит твои сильные икры. Что тебе нужно, так это хороший корейский мальчик.

Приехали.

Я приподнимаюсь и готовлюсь к тому, что моя мать попытается свести меня с новым «хорошим мальчиком-христианином» из нашей корейской церкви. Будет ли это Тимоти Чон, потому что он прекрасен во всех отношениях и играет на скрипке? Или это будет Джошуа Ли, потому что он прекрасен во всех отношениях и водит BMW? Нет, нет, это должен быть Эллиот Пак, потому что он прекрасен во всех отношениях и досрочно поступил в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

— Но давай не будем сейчас беспокоиться о бойфрендах. Я сообщу тебе отличную новость, а потом мы пойдем в церковь.

Погоди, это все? Ты даже не представишь мне на рассмотрение резюме какого-нибудь нового корейского парня? Это ловушка? Что-то здесь не так. Я пребываю в ожидании неприятного события.

— И что это за отличная новость, мам? — Я медленно поворачиваю голову и смотрю на мать, сдвинув брови и пристально рассматривая ее лицо. Макияж идеален, брови подведены поверх микроблейдинга, кожа благодаря новейшему корейскому кушону влажная, точно от росы, а губы накрашены на два тона темнее лососево-розового. Ее можно принять за мою сестру.

— Видишь ли, когда твои папа с сестрой уехали, у нас появилось столько свободного места...

Когда моего отца перевели по работе в Сингапур, а сестра уехала в Бостон ради своей карьеры, дом совсем опустел. Не говоря уже о том, что мама чаще бывает в церкви, чем дома.

Однако лето мы всегда проводили вместе. Лето — семейное время.